

Раздел 5

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Редакторы раздела:

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ БОРТНИКОВ - доктор культурологии, профессор Алтайской государственной академии культуры и искусств (г. Барнаул)

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ПЕРВУШИНА - кандидат культурологии, доцент, проректор по научной работе АлтГАКИ (г. Барнаул)

УДК 159.9

Ananeva E.V., Grishanin N.V. CULTURAL DYNAMICS IN A MASS SOCIETY OF CONSUMPTION. The work describes currently relevant topic of cultural dynamics in the modern society and in the branding of consumers' environment. The necessity of studying this problem is dictated by the following aspects: the condition of the contemporary culture is deemed by many researchers as its crisis; the accelerated pace of social development sets new values and stereotypes in the mass consumer society.

Key words: cultural dynamics, branding consumer environment, the mass consumption society, socio-cultural dynamics, the transformation in the culture of the Russian society in the modern world, social development.

Е.В. Ананьева, аспирант каф. философии и культурологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, г. Санкт-Петербург, E-mail: evgeniya-ananeva@mail.ru; **Н.В. Гришанин**, канд. кул. наук, доц., зав. каф. рекл. и св. с обществ. Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, СПбГУП, г. Санкт-Петербург, E-mail: nikitag@bk.ru

КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА В МАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

В работе описывается актуальная на сегодняшний день тема культурной динамики в современном обществе и брендинге потребительской среды. Необходимость рассмотрения данной проблемы продиктована следующими аспектами: культура на современном этапе переживает состояние, определяющееся многими исследователями как кризисное; ускоренный темп социального развития диктует новые ценности и стереотипы в массовом обществе потребления.

Ключевые слова: культурная динамика, брендинг потребительской среды, массовое общество потребления, социокультурная динамика, трансформация в культуре, российское общество в современном мире, социальное развитие.

Российское общество находится в ситуации, требующей нахождения определенных регуляторов культурных процессов, которые смогли бы обосновать и оценить характеристику изменения трансформаций, происходящих в культуре в соотношении с социальной жизнью. Культурная сфера несет в себе отпечаток жизни общества, дает представление о времени, в котором она протекает. Процессы, происходящие в культуре, являются катализаторами общественной деятельности, отношений, ценностных ориентаций. Необходимо отметить тот факт, что культура, в которой формируются социально-политические механизмы, подвергается их влиянию, но, с другой стороны, сама оказывает влияние на их формирование и развитие.

Необходимость рассмотрения данной темы обусловлена, прежде всего, тем, что культура на данном этапе переживает состояние, которое определяется подавляющим большинством исследователей как переломное, кризисное. Связано это, прежде всего, с тем, что Россия находится на современном уровне развития, где культурное пространство и его динамика в большинстве своем определяется концепцией информационного общества, которое на сегодняшний день имеет массовую популярность. Информационные ресурсы в мультимедийной среде начали вносить в жизнь общества колоссальный объем информации. Так, большинство современных авторов отмечают, что рост накопления знания и информации в XX и XXI веке носит экспоненциальный характер.

Проблема культурной динамики принадлежит к числу фундаментальных в культурологии. Однако культурно-трансформационные процессы, которые происходят внутри культурной ди-

намики, также требуют рассмотрения. Исследование данных проблем имеет огромную важность и актуальность для понимания изменений, происходящих в современном обществе.

«К настоящему времени в мировой научной мысли накоплен огромный набор идей, представлений и концепций, позволяющих давать научно-философскую интерпретацию культурной динамики с разных познавательных-гносеологических позиций – с точки зрения закономерностей эволюционных изменений, исторического развития, а также исходя из постмодернистских представлений о фрагментарности культурных динамических полей» [1, с. 100].

Современное состояние культуры и сознания глубоко анализируется в работах зарубежных авторов - Р. Гвардини, Х. Ортеги-и-Гассета, С. Хантингтона, Й. Хейзинги; теоретиков постмодерна - Р. Барта, Ж. Бодрийяра, П. Козловски, Ю. Кристевой, Ж.Ф. Лиотара, М. Фуко и др.

По мнению М.С. Кагана, «... мы являемся свидетелями начавшегося во второй половине нашего столетия нового переходного процесса социокультурного развития человечества, который может быть осмыслен с синергетической точки зрения как разрушение того способа самоорганизации общества и культуры, той гармонии, которые вырабатывались в Западном мире на протяжении нескольких веков. Состояние, которое казалось устойчиво-нерушимым, вечным, вдруг стало осознаваться как очередное преходящее, конкретно-историческое состояние, «коонец истории» в том смысле, в каком она была способом существования человечества на протяжении нескольких тысячелетий» [2, с. 514].

Только к концу XIX столетия сформировались теоретические концепции, в которых было дано объяснение сложным социокультурным процессам развития.

В культурологических теориях и концепциях мыслители цивилизационного направления – Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, О.Шпенглер, А.Тойнби, П.А. Сорокин, К. Ясперс – видели истоки динамики культуры не в самопроизвольном, «божественном» развитии человеческого духа, не в психике и не в биологической предыстории человечества, а в особенностях специфического уникального развития каждого национального образования.

Исследователи данной проблемы считали, что развитие культуры замкнуто в рамках определенной нации, не испытывает влияние других и происходит под влиянием исторических процессов внутри цивилизации.

Несмотря на отсутствие единого вектора исторической и культурной динамики в общечеловеческом плане, выделяются некоторые общие принципы и закономерности, по которым культура проходит свое развитие.

Основоположник теории культурно-исторических типов русский ученый Н.Я. Данилевский ввел понятие культурно-исторического типа и сформировал основные принципы культурной динамики, которые аналогичны процессам, происходящим в живом организме, – это возникновение, рост и закат цивилизации. Русский философ отмечал, что начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип сам вырабатывает их для себя при большем или меньшем влиянии чуждых ему цивилизаций, предшествовавших или современных. Влияние одной цивилизации на другую Н.Я. Данилевский допускал лишь в смысле «почвенного удобрения». Всякое же системообразующее воздействие чуждых духовных начал на культуру он абсолютно отвергал. Все культурно-исторические типы одинаково самобытны и из себя самих черпают содержание своей исторической жизни. Но не все они реализуют свое содержание с одинаковой полнотой и многосторонностью [3, с. 227].

Согласно концепции О. Шпенглера, культура – это набор качеств и структур, имеющий во многом ценностную основу, привязанный к некоторой нации либо стране и определяющий ментальность входящих в нее людей. Культуры имеют локальный характер, что означает отсутствие общей направленности исторического процесса и бессмысленность самого понятия человечества. Понять культуру можно, выявив ее стиль, который, в свою очередь, возникает из идейной основы, первичного символа «прафеномена». О. Шпенглер рассматривает культуру как надбиологический организм, закономерно проходящий определенные стадии развития. При этом происходят поиски средств реализации основной идеи, выявляются исторические формы данной культуры [4].

Английский историк и социолог А. Тойнби под влиянием идей предшественников разработал свою идею культурно-исторического процесса, где речь идет о 21 относительно замкнутой цивилизации. В этом труде Тойнби выделял цивилизации, для которых характерны уникальные универсальные религии, специфические формы правления и институционализации, а также самобытные искусство и философия [3, с. 228]. В своем исследовании «Постижение истории», даёт классификацию локальных цивилизаций и излагает свои взгляды на социокультурную динамику. Английский историк выделяет основные этапы жизненного цикла цивилизации: возникновение, развитие, упадок, разложение и гибель. Каждая цивилизация привязана к своему ареалу. На сегодняшний день их насчитывается пять: китайская, индийская, исламская, западная, русская. В качестве причин упадка цивилизаций Тойнби называл нравственное вырождение и утрату творческого подхода элитарного меньшинства к возникающим проблемам [5]. Каждая цивилизация в своем развитии прошла четыре стадии: возникновение, рост, надлом и разложение. Тойнби попытаться обосновать эмпирический закон повторяемости общественного развития. Согласно его концепции, эволюция общества осуществляется через «подражание». Если в примитивных обществах подражают старикам и предкам (что делает эти общества статичными), то в «цивилизациях» подражают творческим личностям, что обеспечивает динамику развития. Он отмечает: «человек достигает цивилизации не впоследствии биологического дарования (наследственности) или легких условий географического окружения, а в ответ на вызов в ситуации особой трудности, воодушевляющей на беспрецедентное до сих пор усилие» [6, с. 148]. В качестве «вызовов» рассматриваются неблагоприятные природно-климатические условия, вторжения соседей и гениальные достижения предшествующих цивилизаций. Если цивилизация достойно отвечает на

вызов истории, то она получает импульс к дальнейшему развитию. Если же этот вызов оказался ей не по силам, то происходит надлом цивилизации, а потом – ее упадок. Движущей силой цивилизации, которая дает импульс к поиску ответа на вызов, является ее элита, творческое меньшинство, противопоставленное пассивному большинству [3, с. 228-229].

Тойнби предложил концепцию «вызова – ответа», согласно которой динамические изменения в культуре определяются внешними факторами. По его мнению, в будущем возможно слияние всех цивилизаций в единую на основе Вселенской церкви [5].

Наиболее полно культурологическая концепция изложена в многотомном сочинении «Социальная и культурная динамика». Сущностью основной культуры любого общества являются ценности, значения, нормы, символы. «Всякая великая культура, – пишет П.А. Сорокин, – есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак с друг другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную ценность. Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры» [7, с. 77].

На создание концепции социокультурной динамики Сорокина оказали влияние идеи Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева [8, с. 422].

Интеграция в современном культурном пространстве исторически сложившегося многообразия различных стилей и средств выражения человеческой жизнедеятельности предопределила его многомерность и многосложность. Однако, как справедливо заметил И.Л. Набок [9, с. 70-75], именно эта многополярность и многосложность сегодня оказывается под угрозой в результате нарастания так называемой гомогенизации культуры – приведения к единому знаменателю, ценностного выравнивания разнородных явлений. Развивая идеи, ранее в общем виде сформулированные А. Молем [10, с. 406], И.Л. Набок обращает внимание на то, что на рубеже нового тысячелетия преобладающими чертами культурного мироотношения оказываются калейдоскопичность, фрагментарность, дискретность, усиливаемые хаотичностью, неуправляемостью самой культурной ситуации, перенасыщенностью информационной среды, не поддающимся контролю разума использованием новых технологических возможностей воздействия на психику человека [11, с. 22].

Люди все более осознают остроту проблем, связанных с сохранением, развитием, воспитанием и трансляцией культуры.

Чтобы верно оценить состояние культурных и антикультурных тенденций в современности, надо представлять себе особенности нынешней культуры, которые связываются с многими исследователями с развитием не только информационного общества, промышленности, науки и техники, но и постмодернистской реальностью и мировыми глобализационными процессами [3, с. 498].

Один из теоретиков постмодернизма, У. Эко, отмечает, что сам термин, обозначающий течение, многое объясняет в природе этого феномена. По его мнению, наступает предел, когда авангарду (модернизму) дальше идти некуда, поскольку им выработан метаязык, описывающий его собственные тексты. Постмодернизм – это ответ модернизму: раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить, но иронично, без наивности [12, с. 461].

Для обозначения специфики постмодернизма следует сформулировать новый признак мышления в культуре XX века, обозначаемый как «цикличность». Это особый принцип прочтения исторического процесса, антагонистический по отношению к просветительскому принципу прогресса. Согласно этому принципу, в своей истории каждая культура последовательно проходит несколько стадий. Включаясь в исторические процессы, каждая новая культура неизбежно вынуждена повторить логику развития приближающихся к финалу или уже угаснувших культур. Поэтому в развитии каждой культуры можно фиксировать повторяющиеся фазы [13, с. 57]. Принцип мозаичности и повторяемости культурного развития особенно свойственен XX в. П.Сорокин в связи с этим отмечал необычность современной культуры, называя ее «интегральной». Накопленный «культурный материал» человечества как бы осваивается заново мыслителями XX века, формируя новые ассоциативные связи и оценки, возможно, для активизации последующего интенсивного развития [3, с. 501].

Так, для исследования культуры постмодернизма в качестве открытой системы метод аналогии модифицируется как метод аналогии с информационным обменом. Процессы культуры исследуются как сложные системы, и поэтому возможно применение метода фрактальной аналогии. Если эти процессы

исследуются как нелинейно развивающиеся системы, то применяется метод аналогии с нелинейным развитием. В процессах исследования культуры, ставящих задачи выявления закономерностей процессов порядкообразования, используется метод аналогии с точками роста [14, с. 59-60].

Структурализм, ставший одним из непосредственных предтеч постмодернизма, Р. Барт характеризовал так: он «может быть определен исторически как переход от символического сознания к сознанию парадигматическому; существует история знака, и это – история его «осознаний» [15, с. 247]. Постмодернизм справедливо рассматривать как ступень в интерпретации ментальных структур [3, с. 505].

Постмодернизм характеризуется применением чисто технических приемов, происходящих от случайных «описок», пробелов в рукописи, наложений швов, длиннот и пустот в тексте в принципиальном стремлении «не ставить точку» и т.п. Множественность различий в тематике и стилистике постмодернизма объединяется и сходится в трех основных тезисах.

Как отмечает в своей книге «Прикладная культурология» профессор Ариарский М.А., «компьютерная графика» и «компьютерная живопись» лишают людей возможности воспринимать реальные шедевры изобразительного искусства. Визуализация массовой культуры нарушает единство слуховой и визуальной культуры, подрывает способность человека эмоционально воспринимать музыкально-интонационную информацию.

И экранизация классики, и компьютерная графика, и широкое распространение визуальной информации, равно как и другие утвердившиеся ныне формы функционирования культуры сами по себе могут лишь приветствоваться, но все они будут способны реализовать свой эстетический потенциал, лишь в том случае если обеспечат гармонию внутреннего мира человека с окружающей действительностью, станут органичным компонентом единого, многообразного и многомерного культурного процесса.

Культура как сотворенная людьми среда их обитания и форма создания духовных и материальных ценностей простирается в бесконечность прошлого, настоящего и будущего, однако конкретные формы ее функционирования и составляющие ее компоненты (духовность, нравственность, эстетическое отношение к действительности), как правило, имеют выраженные границы, отражают определенную ступень цивилизации, детерминируются уровнем развития общества, его ценностными ориентациями и идеалами.

Цивилизация начала третьего тысячелетия активно преобразует природную среду, общественное развитие, бытовой уклад. Длительный период многие поколения людей жили в условиях единой структуры ценностей культуры. Ныне на глазах одного поколения ценности культуры обновляются многократно. Разрыв синхронности социального и культурного цикла усложняет подготовку человека к восприятию постоянно обновляющихся культурных ценностей и ориентиров» [11, с. 27].

Современный культуролог Ю.М. Лотман в книге «Культура и взрыв» представляет характер социодинамических процессов в виде непрерывного движения – «осмысленной предсказуемости» и, как противоположность этому, – непредсказуемости, т.е. изменений, «реализуемых в порядке взрыва».

Так, по мысли Ю. Лотмана, процесс возникновения великих научных идей и открытый подобен взрыву, а их техническая реализация подчиняется законам постепенной динамики. Новое в технике всегда обусловлено и стимулируется практическими потребностями (поэтому научные идеи могут быть несвоевременными), и вследствие этого оно предсказуемо, т.е. выступает «реализацией ожидаемого». Новое же в науке или искусстве всегда есть «осуществление неожиданного». «Таким образом, динамические процессы в культуре строятся как своеобразные колебания маятника между состоянием взрыва и состоянием организации, реализующей себя в постепенных процессах».

Необходимо подчеркнуть, что в реальной практике два вида процессов (восхождения и кризисные) зачастую тесно переплетены между собой, и доминирующие тенденции не проявляются. Отмирание старых норм и внедрение новых осуществляются параллельно, иногда стремительно, иногда постепенно, а потому незаметно.

Таким образом, явление культуры в его историческом развитии есть расширение сфер и областей человеческого опыта, который рефлексивируется и осмысливается, закрепляясь в традиции. Однако, несмотря на всю важность традиций, которые обеспечивают устойчивость, авторитет культуры и культурных норм, нельзя себе представить развитие культуры без обновления культурного опыта, без инноваций. Они проявляются в изменениях, которым подвергается весь образ жизни. Изменения

в культуре происходят в результате накопления культурного опыта, они не могут быть внезапными. Чтобы стать достоянием и ценностью человеческого бытия, им требуется определенное время, «Большое время культуры», как определял отечественный мыслитель М. Бахтин [16, с. 37-40].

Ценности, образцы и нормы поведения, выступают одновременно в качестве элементов сложного механизма регуляции современной жизни общества. Потребительские ценности выступают связующим звеном между массовой культурой и брендингом. Бренды могут создавать предложение ценности и основу для взаимоотношений, фокусируясь на определенной социальной или референтной группе, с опорой на образ пользователя. Возможность принадлежать к группе пользователей и получать одобрение группы может обеспечить дополнительную эмоциональную связь с потребителем [17, с. 215-216].

Брендинг постоянно эволюционирует и это связано не только с развитием технологий, изменения происходят на социальном уровне, соответственно, в потребительской среде. Из крупных социальных изменений, приводящих к изменениям брендинга можно назвать следующие. Урбанизация, рост городов, городского населения приводит к увеличению социальной и профессиональной активности населения с целью обеспечения благополучия и нивелированию жизни в «одной большой семье, одним большим миром». Как следствие – замена традиционной патриархальной семьи на семью «пост-ядерную», появление неполных семей, однополых, В США по решению верховного суда штата Техас Джереми Роджерса, было официально разрешено вступление в брачные отношения с представителями фауны, все это приводит к вызовам в социальной среде. Феминизацию общества можно рассмотреть с одной стороны как рост социальной и профессиональной активности женщины, с другой – как переустройство внутрисемейных отношений. Это приводит переустройству временных затрат на семью, работу, досуг. Появляется временной дефицит. В потребительской среде это приведет, как ни странно, к противоречивому потреблению, потреблению большего количества товаров, чаще связанных с созданием комфортной или contemporary жизни. В «быстром мире» появляется и проявляется дефицит доверия. Вызовом города становится нивелирование прежних традиционных культур и формированием «новых племен». У людей возникают новые, часто ранее недостижимые, а теперь реальные возможности, и, соответственно, новые потребности в здоровом образе жизни, экологически чистых продуктах (появился новый термин «healthumerism» — полезное для здоровья потребление). Хелфьюмиристы, тревелерсы (traveler's) стремящиеся к расширению кругозора, повышению культурного уровня, или экстремалы, отдающие предпочтение специфическим развлечениям, например путешествиям в экстремальных ситуациях, и др.

В брендинге, по мнению И.Я. Рожкова, усиливается роль мотивирующих факторов, осознанных в потребительской среде как действительно для нее важные:

- саморегуляция (свобода мысли и действия, обусловленные потребностью быть автономным и независимым);
- стимулирование (новизна и состоятельность);
- гедонизм (чувственное наслаждение);
- достижение (личностный успех);
- власть (достижение социального статуса, престиж);
- безопасность (стабильность и гармония общества);
- конформность (ограничение действий, причиняющих вред другим и нарушающих гармонию);
- традиции (уважение и поддержание обычаев);
- благожелательность (поддержание и повышение благополучия);
- универсализм (понимание и поддержка благополучия людей и природы) [181, с. 101].

Эти факторы приводят к переформатированию брендинга, манипулированию потребительским сознанием на формирование между производителем и потребителем личных, доверительных отношений. Потребители теперь имеют возможность удовлетворить практически все свои потребности и желания.

Как описано во всех учебниках по маркетингу, сегодняшний потребитель стремится приобрести удовольствие, испытать необычные ощущения и, следовательно, потребитель приобретает не товары, а символы удовольствия и ощущений, бренды же в свою очередь создают это символическое удовольствие, продавая «символическую» выгоду. Бренды насыщены символами и это насыщение, и наполнение начинается от символической идеи товара и до функционала обеспечивающего символический капитал марки. Средствами массовой коммуникации символы активно предлагаются целевым группам, формируя отношения потребителей к товару и социально-психологическую установку.

К началу третьего тысячелетия техногенная цивилизация приблизилась к той точке бифуркации, за которой «может последовать ее переход в новое качественное состояние» [19, с. 672], которое будет характеризоваться или более высокими принципами организации, или хаосогенными, энтропийными процессами. Художественно-эстетические интуиции пост-культуры, кажется, пока четче улавливают тенденцию ко второму состоянию [20, с. 307].

В своей монографии «Глобализация и диалог культур: проблема ценностей», В.С. Степин дает оценку развитию современного ценностных ориентаций общества, формирующихся в результате взаимодействия западной и восточной цивилизаций. Великие достижения цивилизации часто возникали при взаимодействии различных культурных традиций. В наше время глобализации создаются новые перспективы взаимодействия культур. И от того, как будут протекать эти взаимодействия, зависят судьбы цивилизации. Современная глобализация выростала из

процессов модернизации, которые начались достаточно давно. Они связаны с заимствованием западных технологий традиционалистскими обществами. Модернизация переводит традиционалистские общества на путь техногенного развития, сохраняя при этом фрагменты традиционалистской культуры и порождая проблемы их адаптации к новым ценностям [19, с. 8-9].

Сегодня ускоренные темпы социального развития многое меняют в культуре в целом, жизнедеятельности людей и брендинге потребительской среды. Ряд базисных ценностей техногенной цивилизации проблематизируется, возникают точки роста новых ценностей [19, с. 17]. Невозможно не учитывать трансформационные процессы в культуре и жизни городского социума, которые отражаются на всех сферах общественной и индивидуальной жизнедеятельности современного общества. Таким образом, культура, со своей стороны выступает мощнейшим фактором социального развития, приобретая первостепенное значение в современном мире.

Библиографический список

1. Флиер, А.Я. Культурология. XX век: словарь. - СПб., 1997.
2. Каган, М.С. Эстетика как философская наука. - СПб., 1997.
3. Иконникова, С.Н. Теория культуры: учебное пособие / С.Н. Иконникова, В.П. Большаков. - СПб., 2010.
4. Библиотека Якова Кротова [Э/р]. - Р/д: http://krotov.info/libr_min/sh/shpen1.html
5. Научно-образовательный портал Инженер [Э/р]. - Р/д: <http://www.engineer.bmstu.ru/res/kultura/person/person6.htm>
6. Тойнби, А. Постигание истории. - М., 1990.
7. Сорокин, П. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и социальных отношений // Вестник Моск. ун-та. - 1993. - № 1. - Сер. 7. Философия.
8. Социологическая энциклопедия: в 2 т. - М., 2003. - Т. 1.
9. Набоков, И.Л. Культурология как методологическая инновация гуманитарного образования // Образование и культура Северо-Запада России. - 1997. - № 2.
10. Моль, А. Социодинамика культуры. - М., 1973.
11. Ариарский, М.А. Прикладная культурология. - СПб., 2001.
12. Эко, У. Заметки на полях «Имя розы» // Эко У. Имя розы. - М., 1898.
13. Хренов, Н.А. Искусство в контексте XX в. на фоне повторяющихся флуктуаций в больших длительностях исторического времени // Циклические ритмы в истории, культуре и искусстве. - М., 2004.
14. Иванова, О.В. Синергетический подход к исследованию культуры постмодернизма. - СПб., 2003.
15. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. - М., 1989.
16. Куляскина, И.Ю. Культурология: учеб. пособие / И.Ю. Куляскина, Е.Ю. Титлина, О.В. Киселева. - Благовещенск, 2001.
17. Аакер, Д. Создание сильных брендов. - М., 2003.
18. Кляйн, Н. No Logo. Люди против брендов. - М., 2003.
19. Степин, В.С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей // Век глобализации. - 2011. - № 2(8).
20. Бычков, В.В. Эстетика XX в. - М., 2004.

Bibliography

1. Flier, A.Ya. Kuljturologiya. KhKh vek: slovarj. - SPb., 1997.
2. Kagan, M.S. Ehstetika kak filosofskaya nauka. - SPb., 1997.
3. Ikonnikova, S.N. Teoriya kuljturih: uchebnoe posobie / S.N. Ikonnikova, V.P. Boljshakov. - SPb., 2010.
4. Biblioteka Yakova Krotova [Eh/r]. - R/d: http://krotov.info/libr_min/sh/shpen1.html
5. Nauchno-obrazovatel'nyj portal Inzhener [Eh/r]. - R/d: <http://www.engineer.bmstu.ru/res/kultura/person/person6.htm>
6. Tojnbj, A. Postizhenie istorii. - M., 1990.
7. Sorokin, P. Social'naya i kuljturnaya dinamika. Issledovanie izmenenij v boljshikh sistemakh iskusstva, istin, ehiki, prava i social'nykh otnoshenij // Vestnik Mosk. un-ta. - 1993. - № 1. - Ser. 7. Filosofiya.
8. Sociologicheskaya ehnciklopediya: v 2 t. - M., 2003. - T. 1.
9. Nabok, I.L. Kuljturologiya kak metodologicheskaya innovaciya gumanitarnogo obrazovaniya // Obrazovanie i kuljtura Severo-Zapada Rossii. - 1997. - № 2.
10. Molj, A. Sociodinamika kuljturih. - M., 1973.
11. Ariarskiy, M.A. Prikladnaya kuljturologiya. - SPb., 2001.
12. Ehko, U. Zаметки na polyakh «Imya rozih» // Ehko U. Imya rozih. - M., 1898.
13. Khrenov, N.A. Iskusstvo v kontekste KhKh v. na fone povtoryayutikhhsya fluktuacij v boljshikh dlitel'nostyakh istoricheskogo vremeni // Ciklicheskie ritmi v istorii, kuljture i iskusstve. - M., 2004.
14. Ivanova, O.V. Sinergeticheskij podkhod k issledovaniyu kuljturih postmodernizma. - SPb., 2003.
15. Bart, R. Izbranniye raboti. Semiotika. Poehtika. - M., 1989.
16. Kulyaskina, I.Yu. Kuljturologiya: ucheb. posobie / I.Yu. Kulyaskina, E.Yu. Titlina, O.V. Kiseleva. - Blagovethensk, 2001.
17. Aaker, D. Sozdanie siljnykh brendov. - M., 2003.
18. Klyayjn, N. No Logo. Lyudi protiv brendov. - M., 2003.
19. Stepin, V.C. Globalizaciya i dialog kuljtur: problema cennostey // Vek globalizacii. - 2011. - № 2(8).
20. Bichkov, V.V. Ehstetika KhKh v. - M., 2004.

Статья поступила в редакцию 12.12.12

УДК 130.2

Gudova M.Y. INTERNET-READING AS A NEW FORM OF SOCIAL ORGANIZATION READING. In this article in the methodology of cultural practices analyzed the actual problem of changes in social organization of reading in the epoch of the information revolution in reading: the emergence of digital gadgets for reading, the advent of mobile digital libraries on the network and gadgets, as well as genesis of new genres of literature, which led to a change in to relations between the authors – publishers – sellers and readers.

Key words: Internet-Reading, Internet-Literature, Internet Library, E-Reader, virtual reader, virtual author, active reader.

М.Ю. Гудова, канд. филос. наук, доц. каф. этики, эстетики, теории и истории культуры
Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, E-mail: MargGoodova@gmail.com

ИНТЕРНЕТ-ЧТЕНИЕ КАК НОВАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЧТЕНИЯ*

В статье в методологии культурных практик анализируется актуальная проблема изменения социальной организации чтения в условиях информационной революции чтения: появления цифровых гаджетов для чтения, появления мобильных электронных библиотек в Сети и на гаджетах, а также рождение новых жанров литературы, что привело к изменению отношений между авторами – издателями – продавцами и читателями.

Ключевые слова: Интернет-чтение. Интернет-литература, Интернет-библиотеки, электронные книги, виртуальные читатели, виртуальные авторы, активные читатели.

Традиционная институциональная организация чтения в системе книгоиздательства, книжных магазинов, книжных библиотек, контролируемых и управляемых из единого центра – к примеру, Министерства культуры, как это было в СССР, с точки зрения социологов Левада-Центра, есть система контроля и управления чтением. Вне-институциональные формы социальной организации чтения, напротив, рассматриваются учеными как эмансипирующие и индивидуализирующие инстанции чтения. Если социологи традиционного чтения в качестве таких инстанций «чтения для себя» видят исключительно стационарные «книжные шкафы, заполненные по 30 книг на полке» [1] домашней библиотеки, то на сегодня уже сложилась исследовательская традиция рассматривать в качестве электронной альтернативы «коллективному чтению» и «коллективной библиотеке» цифровую библиотеку, создаваемую продвинутым Интернет-пользователем на основе свободного доступа к Интернет-ресурсам при помощи любых современных гаджетов, обеспечивающих Интернет-доступ и Интернет-чтение «для себя».

Все цифровые личные библиотеки по характеру доступа материалов для чтения делятся на библиотеки для on-line и off-line доступа. Личную цифровую on-line библиотеку составляют все страницы сайтов, порталов, блогов и форумов, социальных сетей, закладки на которые хранятся в памяти соответствующего гаджета и которые, соответственно, неоднократно посещаются в поисках любой нужной информации: деловой, медицинской, образовательной, развлекательной и т.д.

Другой разновидностью личной цифровой библиотеки мы называем весь объем аудио-визуальных документов, скаченных на ПК или мобильные гаджеты для чтения в режиме off-line.

Цифровые личные библиотеки являются систематизированными, имеют центральное меню – каталог, тексты могут быть упорядочены по датам, по формату, по алфавиту, по размерам, а также рассортированы по жанрам, по авторам или по названиям – все это определяется одним нажатием соответствующей иконки. У цифровых личных библиотек есть и другие существенные и давно оцененные пользователями преимущества, такие как легкость массы, компактность, избирательность, дешевизна, вариативность оформления, а также то, что «устройства для чтения электронных книг позволяют реализовать целый ряд новых возможностей, которых лишены бумажные издания: перекрестные ссылки, контекстный поиск, обращение к словарям и справочникам» [2].

По мнению многих аналитиков, цифровые личные библиотеки отличаются также персональной активностью читателя по их поиску, созданию, приобретению или заимствованию, а также побуждают своих обладателей к покупке бумажных вариантов наиболее полюбившихся книжек. Опираясь на данные исследований американских коллег, об этом пишет Е. Ерошенко: «Как показали опросы общественного мнения, проведенные в конце прошлого года исследовательской компанией Harris Interactive, люди покупают больше книг, если они владеют E-Reader'ом. Среди владельцев читалок 67% покупают шесть и более бумажных книг в год – показатель, характерный лишь для 38% традиционных читателей» [3]. Другим существенным преимуществом чтения в личной цифровой библиотеке – с E-Reader'a является то, «что по количеству усваиваемой литературы обладатели ридеров тоже опережают своих менее продвинутых в техническом плане коллег. И действительно, согласно тому же исследованию, 81% владельцев карманных устройств для чтения знакомятся в год с 6 и более литературными произведениями. В среде библиофилов, не использующих достижения электроники, таковых оказалось всего 54%. По сравнению с традиционной литературой, ридер обладает одним важным преимуществом: он дает возможность в комфортной обстановке за короткое время познакомиться с содержанием большого числа литературных произведений» [3]. Наконец, обширные электрон-

ные персональные библиотеки, даже литературных новинок собираются гораздо быстрее, чем традиционные бумажные библиотеки. «В то время, как простой читатель вынужден обращаться в библиотеки, терять время на исследование ассортимента книжных лавок и шкафов друзей, технически подкованный пользователь при помощи поисковика и кредитки за несколько минут становится обладателем «100 самых рекомендуемых новинок года»» [3]. Такую скорость создания книжных коллекций объемом 1000-5000 наименований не возможно представить в традиционной книжной культуре, там на это уходило жизни нескольких поколений, в постграмотной – несколько часов поиска. Кроме того, существенным преимуществом цифровых персональных библиотек является личный отбор, основанный на анализе предварительной информации, рекомендациях читательского дружественного сообщества и любительской читательской экспертизе. В результате, «каждая книга, за которую платит деньги счастливый обладатель Pocketbook'a или другого ридера – это стопроцентное попадание во вкусы, предпочтения и желания. E-Reader просто не дает библиоману почувствовать «эффект разочарования», ведь содержание книги всегда соответствует возлагающимся на нее надеждам» [3].

С. Корнев называет читателя персональной электронной библиотеки – «новый» виртуальный читатель», и говорит о том, что радикальным преимуществом, отличающим его от всех остальных является «свободный доступ к электронным каталогам и полнотекстовым базам традиционных библиотек всего мира, а также к электронным библиотекам, которые широко представлены в Интернете. Этот «новый» читатель читает книги (и не только деловые, но и художественные) с экрана, использует технические приспособления для чтения текстов» [4]. Эти новые виртуальные читатели в Интернет «просто идут за текстами» [5], поскольку «Сеть», как говорит Самохина М., представляет собой «огромную библиотеку, а ее посетители – читатели этой библиотеки» [5].

Электронное чтение и «новый виртуальный читатель», также как и Интернет как место обитания чтения и литературы, означают «конец монополии печатного станка» [4], а также «смерть расстояния» [4]. С. Корнев утверждает, что Интернет – это новая оболочка, среда не только для чтения, но для литературной жизни в целом, где все происходит сиюминутно: публикация, комментарий, отзыв, скачивание, копирование, тиражирование, прочтение и т.д. Жизнь литературы становится измеримой и отмеченной фактом персонального присутствия. Благодаря организации сайтов, всегда известно, сколько посетителей находится на сайте в данное время, сколько побывало за все время существования сайта, что на литературном сайте было прочитано-просмотрено и сколько раз, и что, чаще всего. Как говорит М. Самохина, «читающие люди приходят в Сеть общаться» [5]. На форуме литературного сайта могут встретиться не только писатель, читатель и критик, но и не-читатель и не-писатель, и не-издатель и т.д. Интернет устраняет не только институциональное пространство между автором и издателем, типографией, складом, книжным магазином и покупателем, он устраняет расстояние географическое, делает возможным посещение любого сайта любым пользователем по всему миру, почему собственно сеть и становится глобальной.

Все это делает Интернет-чтение свободным от всего, кроме воли читателя. В Интернет-пространство, с одной стороны, может быть выгружено все в спектре от классики до графоманства и от актуальной халтуры до древней макулатуры, но будет прочитано только то, что выбрано Интернет-пользователем по поисковым системам или методом сплошного просмотра выборки.

Новый виртуальный читатель осуществляет новый способ поиска материала для чтения – дрейф. Дрейфуя в пространстве Интернета он отдается системе учетных записей, закладок, гиперактивных ссылок, и достаточно часто находясь в по-

иске-дрейфе – чтении, читатель – пользователь может и не подозревать на какой сайт и какой литературный материал он попадет.

Когда С. Корнев говорит, что «Интернет погружает нас в состояние перманентного конгресса, конференции», то в этом мы опять же видим ответ социологам Левада-Центра, которые переживают за то, что реальные читатели перестали обсуждать книги и поднимаемые ими социальные проблемы, и что литература перестала быть поводом для общественных дискуссий. Для вне-институционального чтения-дрейфа в виртуальной реальности, как мы видим из статьи М.Самохиной и многих других, состояние обсуждения прочитанного, комментарии к прочитанному, являясь естественным состоянием читателей-пользователей. Пусть на форумах литературных сайтов обсуждение является дилетантским, не-профессиональным, но оно тем и значимо, что оно представляет собой опыт «любительской оценки» опубликованного в Интернете произведения, оно предлагает те реально функционирующие в среде читателей-пользователей критерии оценки произведений, проблемы, связанные с чтением, которые реально волнуют читательское сообщество, наконец, форумы помогают понять мотивы, почему люди обсуждают те или другие тексты. Если мы видим, что от скуки, от лени, от непонимания – это означает только одно – читатели так компенсируют свое реальное социальное одиночество, может быть, маргинальность и депривированность, и т.д.

В сети происходит с читателем то, что применительно ко всей сетевой литературе. С. Корнев назвал «сетевым освобождением» – читатель точно также как и литература становится другим: стираются грани между профессионализмом и графоманией и не случайно, что сетевая литература и сетевая оценка литературы более всего не популярны именно у профессиональных писателей и экспертов: Д. Быкова, и других. «Новые виртуальные читатели» предпочитают читать авторские блоги и авторские страницы в Живом журнале, вместо статей в газетах и журналах, и это означает только то, что публикации профессиональных журналистов в аккредитованных СМИ в силу разных причин уступают по востребованности запискам самодельных авторов в Живом журнале или на Facebooke, или в Twitter.

В Интернете на самых разных ресурсах свободно появляются новые имена авторов, и новые имена модераторов, новые электронные издатели, новые электронные библиотеки и новые литературные клубы, и новые литературные премии. Интернет – это «глобальный и круглосуточный литературный салон». Как пишет С. Корнев, «место встречи всех новых электронных акторов в условном пространстве, но в реальном времени» [4].

«Безинерциальность» Интернета [4] делает его способным к мгновенной реакции на любые события глобальной социальной или Сетевой реальности. В этой «безинерциальности» и демократизм, и деспотизм Интернета. Демократизм его состоит в мгновенном и многоголосом обсуждении любого политического или художественного высказывания, деспотизм Интернета в том, что ни одно вызывающее, оскорбительное высказывание того или иного медийного лица не остается незамеченным, подлежит глобальному обсуждению и осуждению. Системы Google и Facebooke позволяют коллективно создавать и редактировать тексты, снабжать их видео и аудио сопровождением и т.д. Как пишет Г. Гусейнов, «продукция сетературы – расшифрованная стенограмма реального или воображаемого устного диалога. Режим максимального приближения к устной речи поддерживает у читателя доверие к публикуемому тексту» [6].

Во вне-институциональном Интернет-чтении авторы и читатели встречаются в свободном от внешнего надзора (за исключением антивирусных программ и систем) культурном пространстве. При этом они встречаются с «глазу на глаз» – лично вступают в переписку в глобальном публичном пространстве. «Общение на сайтах реконструирует, восстанавливает утраченный, размытый быстрыми и неожиданными метаморфозами в социальной реальности портрет» автора и читателя [4].

Современные авторы как правило, представлены своими сайтами или Интернет-страницами на литературных сайтах (порталах), авторский портрет может быть воссоздан при помощи текстов, всплывающих по гиперссылке по имени автора. Точно также современные Интернет-читатели – это регулярные посетители литературных, новостных, библиотечных, журнальных сайтов для чтения, это наиболее продвинутые в цивилизационно-техническом смысле пользователи Интернет-Сети и наиболее активные в культурном плане творческие и ищущие, занимающиеся культурным дрейфом пользователи Интернет-Сети.

Наблюдая антропологические процессы в Интернет-литературе или Сетературе, Г. Гусейнов также ведет полемику с со-

циологами Левада-центра по поводу сокращения культурного слоя за счет ухода из него инженерно-технической интеллигенции. Он пишет, что «пребывание в виртуальных литературных объединениях заставляет предположить, что те, кто в советской социокультурной стратификации относился к технической интеллигенции, уходят от литературоцентричности не столько к бумажной массовой, или развлекательной, литературе фэнтези или детективного жанра, сколько в виртуальную нишу психологической лирики, социальной прозы, психозротической эссеистики и т.п. Все то, что перестало или не начало издаваться или окупаться в бумажном виде, так или иначе закрепляется на Сети» [6]. Каждому литературному явлению, о котором написали в Интернете вне зависимости от его масштабов, качества, общественной значимости Сеть дает свой протокол, и это, безусловно, ново для культурной жизни. Архив виртуальной истории пишет сама виртуальная реальность.

Процессы свободного вне-институционального дрейфующего Интернет-чтения по новому организуют отношения между автором и читателем. «Учитывая безграничные возможности мистификации и умножения «виртуальных личностей», «автор» в Интернете превращается чуть ли не в особый жанр литературного творчества. Кроме того, в Сети уменьшается, а иногда и вообще исчезает охранявшаяся книгопечатанием *статусная дистанция* между автором и читателем, что неминуемо сказывается на них обоих» [4].

Автор – в традиционной системе книжного производства – это тот человек, который живет на средства, обеспеченные ему трудом читателя по приобретению и прочтению написанной им книги или статьи. Между тем, труд читателя по поиску, выбору, приобретению и освоению приобретенной продукции традиционно остается незамеченным и неисследованным, а главное, неоплачиваемым, что делает фигуру читателя пассивно-рецептивной, а труд автора по созданию книги – активным. Автор всячески возвеличивается в традиционной культуре, он считается единственным и окончательным создателем текстов, кто заслуживает за свой нелегкий труд «инженера человеческих душ» немалый гонорар.

Такая оппозиция находит свою деконструкцию во вне-институциональном Интернет-чтении. Именно Интернет воплощает постмодернистскую идею вне-персонального автора-дискурса, и идею идеального читателя в лице писателя: комментов, постов, и другой Интернет-продукции. Здесь и автор, и читатель оплачивают Интернет-трафик, но изначально в Рунете тексты обращались безвозмездно, а количество посещений и скачиваний определяло рейтинг сетевого автора. И та, и другая фигура в процессах Интернет-чтения являются обратимыми, в авторе с неизбежностью присутствует читатель, а в читателе – писатель. Интернет чтение «приводит к рождению принципиально новой фигуры – «активного читателя», давней мечты интеллектуалов XX века» [4], который сам формирует структуру своего чтения, определяет жанры, тематику, качество текста, и тем самым реализует свои литературные потребности и скрытые желания. И автор, и читатель, следуя своим литературным и анти-логоцентричным потребностям и желаниям, измученные классической литературой, ее жанровым апофеозом – романом, «стремятся к сохранению подлинности устного слова, к наиболее тонкой и подчеркнутой передаче устного слова и это сохраняется в новой сетературе» в таких традиционных для устной смеховой культуры XX века жанрах как анекдот и КВН [6].

Когда мы видим в рейтингах наиболее востребованных Интернет-библиотек по данным поисковой системы Rambler.ru на первой строке сайт Анекдот.ru, к этому нужно относиться как к статистически установленному факту, требующему своего осмысления с точки зрения предпочтений среди Интернет-читателей. Одной из причин такого явления наряду с имитацией устного слова, на наш взгляд, является маргинальная природа анекдота в отношении авторства. С одной стороны, анекдот принадлежит к жанрам постфольклора и потому не имеет авторства, с другой стороны, в последнее время все более распространяются «авторские» анекдоты. Анекдот представляется одним из самых востребованных жанров Интернет-чтения также в силу того, что он является воплощением интернетовского гипертекста. Анекдот при каждом прочтении-рассказывании дает неисчерпаемые возможности для его переписывания-пересказывания, тем самым анекдот в своей внутренней природе несет предпосылки того, что он является одним из тех жанров, которые в силу своей маргинальной авторской природы наиболее полно воплощают «происходящую в гипертекстовой среде Интернета автодеконструкцию текстов» [4]. Также как и анекдоты, переписываются, дополняются статьи открытой сетевой энциклопедии – Wikipedia, также существует и вся поэтическая сетература, где

в любой коллекции любой читатель может улучшить, отредактировать любые тексты любого поэта. Исключение составляют тексты, выложенные в фотоформатах или «только для чтения».

Еще один очень важный момент в характеристике Интернет-чтения – это принципиальная вне-контекстуальность Интернет-текстов. «Текст в Интернете изначально лишён актуальности, вырван из физического времени и пространства, вырван из внешнего текста мира» [4]. В Интернет-библиотеках в едином пространстве – времени оказываются представлены Г. Сент-Викторский и У. Эко, А. Пушкин и И. Бродский, З. Гиппиус и В. Павлова. Споры о том, создает ли Интернет новый литературный канон остаются открытыми: Интернет-чтению равно открыты тексты, принадлежащие к самым разным канонам и изгнанные

из всех литературных канонов. Как пишет С. Корнев, Интернет – это «вавилонская библиотека, бесконечный перепутанный архив, мир без времени и пространства, заколдованное Царство Текста» [4]. В Интернет-чтении активный читатель создает свой канон чтения, сам формирует свою Интернет-библиотеку на персональном компьютере или любом другом гаджете, использует свою персональную и мобильную электронную библиотеку как мощный ресурс саморазвития и самореализации в новой культуре.

* Статья подготовлена в рамках проекта реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы» (ГК № П433 от 12.05.2010 г.)

Библиографический список

1. Гудков, Л.Д. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы / Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 74 [Э/р]. – Р/д: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=249
2. Мьёр Коре Юхан. Он-лайн-библиотека и классический литературный канон в постсоветской России // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 109 [Э/р]. – Р/д: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/109/m32.html>
3. Ерошенко, Е. Дополнительное чтение [Э/р]. – Р/д: http://article.tech-labs.ru/52_31430.html
4. Корнев, С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 32 [Э/р]. – Р/д: <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/32/korn.html>
5. Самохина, М.М. Молодые читатели в Интернете (наблюдения социолога) // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 102 [Э/р]. – Р/д: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/sa26.html>
6. Гусейнов, Г. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 43 [Э/р]. – Р/д: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html>

Bibliography

1. Gudkov, L.D. Rossijskie biblioteki v sisteme reproduktivnykh institutov: kontekst i perspektiv / L.D. Gudkov, B.V. Dubin // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2005. – № 74 [Eh/r]. – R/d: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=249
2. Mjor Kore Yukhan. On-layn-biblioteka i klassicheskij literaturnij kanon v postsovetsoj Rossii // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2011. – № 109 [Eh/r]. – R/d: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/109/m32.html>
3. Eroshenko, E. Dopolnitel'noe chtenie [Eh/r]. – R/d: http://article.tech-labs.ru/52_31430.html
4. Kornev, S. «Setevaya literatura» i zavershenie postmoderna // Novoe literaturnoe obozrenie. – 1998. – № 32 [Eh/r]. – R/d: <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/32/korn.html>
5. Samokhina, M.M. Molodiye chitateli v Internetе (nablyudeniya sociologa) // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2010. – № 102 [Eh/r]. – R/d: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/sa26.html>
6. Guseynov, G. Zametki k antropologii russkogo Interneta: osobennosti yazhka i literaturih setevihkh lyudej // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2000. – № 43 [Eh/r]. – R/d: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html>

Статья поступила в редакцию 12.01.13

УДК 008:316.34

Tishchenko N.V. **THREE TYPES OF DISCOURSE ON PRISON SUBCULTURE IN THE SOVIET LITERATURE OF THE 20TH CENTURY.** The article is devoted to the dissemination of criminal values in our culture. Using three types of discourse, corresponding to the three periods in the literature, shows the transformation of the perception of the prison subculture and identify ways to influence the prison subculture on everyday culture.

Key words: discourse, prison subculture, filmtext, prisonisation, criminal valuables.

Н.В. Тищенко, канд. культурологи, доц. каф. культурологи Саратовского гос. технического университета им. Ю.А. Гагарина, г. Саратов, E-mail: mihailovan@inbox.ru

ТРИ ТИПА ДИСКУРСА О ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX СТОЛЕТИЯ

Статья посвящена проблеме распространения криминальных ценностей в отечественной культуре. На примере трёх типов дискурса, соответствующих трём периодам в литературе, показана трансформация восприятия тюремной субкультуры и определены способы влияния тюремной субкультуры на повседневную культуру.

Ключевые слова: дискурс, тюремная субкультура, кинотекст, тюремизация, криминальные ценности.

Криминальные установки, ценности, тюремный жаргон и нормы поведения сегодня пронизывают многие сферы: и масс-медийный, и политический, и повседневный дискурсы изобилуют примерами использования высказываний и убеждений, рождённых в недрах маргинальных криминальных субкультур, в местах лишения свободы. Столь масштабное распространение криминальных принципов и тюремного образа жизни во всей системе социальных отношений и культурных норм и практик мы называем тюремизацией социальной жизни и культуры. Однако при всей очевидности проблемы остаются не выявленными ни каналы распространения тюремной системы ценностей, ни стратегии их внедрения, ни причины отсутствия в гражданском обществе сопротивления и отторжения норм тюремных субкультур. Открытым остаётся вопрос – почему криминальные ус-

тановки, тюремные жаргонизмы и ритуалы воспринимаются современным российским обществом не как нонсенс, требующий мгновенного осуждения, а как данность, почему тюремный образ жизни стал частью рутинных повседневных практик? Какие социальные механизмы, культурные фильтры пропустили криминальные ценности и практики в общественную систему и адаптировали их ко всей социальной и культурной структуре?

Наибольшее распространение тюремизация получила в отечественной культуре, что связано с тремя аспектами тюремизации в России: историческим, социальным, культурным. Во-первых, в отечественной культуре исторический опыт не связывает тюрьму, исправительную систему с понятиями законности и справедливого наказания. В России опыт соотношения тюремного наказания и законности вторичен в сравнении с опытом

соотнесения тюрьмы с такими понятиями как «произвол власти» или «превратности судьбы». Во-вторых, появление тюрем исправительного типа (пенитенциариев) в России не инициировалось общественными деятелями, организациями, населением, а было исключительно решением официальных властей, а следовательно, изначально пенитенциарии были помещены в чуждую им социальную, экономическую и культурную среду.

Социальный аспект процесса тюремизации определяется соотношением численности осуждённых с общим количеством населения. В России по данным различных исследователей, общественных фондов каждый 4-ый мужчина имел опыт лишения свободы [1]. Но самое главное, что способствовало интенсивной тюремизации отечественной культуры – это социальная диффузия тюремного населения. В местах лишения свободы оказываются представители самых различных социальных групп, которые в условиях барачной системы содержания не отделены от уголовных преступников. Основной момент, на котором концепция тюремного населения, предложенная М. Фуко, теряет свою объяснительную способность на примере России – это социальная характеристика. Фуко пишет о тюремном населении, как достаточно устойчивой социальной группе, с помощью которой в обществе утверждается идея наказания [2, с. 337-376]. В России эта группа расплывлена, рассредоточена по всей социальной системе, что способствует масштабной тюремизации культуры.

Культурный аспект тюремизации связан с тем, что нормы тюремной субкультуры, не подвергаемые рефлексии и критическому анализу, стали частью повседневной культуры. Нормы и ценности тюремной субкультуры являются органичной составляющей повседневного языка, традиций, принципов взаимодействия. Одновременно нормы тюремной субкультуры проникли в профессиональные субкультуры, приведя к разрушению профессиональных ценностей и искажению профессиональной деятельности (армия, полиция, строительство). И последнее проявление культурного аспекта – образы и ценности тюремной субкультуры становятся частью современных литературных текстов и кинотекстов, в которых они не осуждаются, а представляются наиболее эффективной стратегией выживания и достижения цели.

К основным параметрам тюремизации социальной жизни и культуры мы относим:

- 1) утрированную ритуализацию повседневности, исключаящую новации, которые воспринимаются как угроза утвердившемуся порядку;
- 2) негативное отношение к официальной власти и искажение любой властной стратегии в отношении населения;
- 3) наличие теневой системы социальной дифференциации – игнорирование легализованной системы социального деления общества (по профессиональному, материальному и пр. признакам) и утверждение собственной системы дифференциации, включающей две категории «свой» и «чужой»;
- 4) распространение недоверия и нетерпимости как основных способов отношения к индивиду как со стороны абстрактных структур (социальных институтов, официальных учреждений), так и со стороны других индивидов;
- 5) максимальное занижение статуса личности, отсутствие уважения к проявлению индивидуального во всех сферах жизнедеятельности людей;
- 6) наличие низкого уровня сопротивляемости насилию и агрессии в обществе, при чём одним из следствий принятия насилия, как эффективной формы решения социальных конфликтов, является и утрированное приветствие использования насилия к тем или иным группам населения;
- 7) ограниченное понимание роли знания в социальной системе – подчеркивается лишь функциональная, прагматичная значимость знания; любое знание, не вписывающееся в контекст «здесь и сейчас» (фундаментальное, теоретическое, экзистенциальное) интерпретируется как излишнее и отрицается;
- 8) распространение тюремного жаргона в бытовом языке, а так же публичных дискурсах: политическом, масс-медийном, экономическом и пр.;
- 9) буквальное копирование имеющих хождение в местах лишения свободы практик и ритуалов в повседневной жизни.

Сегодня все эти явления являются неотъемлемой частью социальных и культурных практик и, как правило, не подвергаются критическому осмыслению, а воспринимаются как должное. Интерпретация тюремной субкультуры как должного стала возможной, в том числе в связи с тем, что в 90-е гг. XX столетия и литературные тексты, и кинотексты стали воспроизводить нормы тюремной субкультуры как часть бытовухи жизни, не используя критического и рефлексивного аппарата. Современные

тексты о тюрьме предельно категоричны и отличаются очень высокой плотностью письма, т.е. положения, высказываемые в тексте, представлены в качестве абсолютной истины, они не подвергаются сомнению и читателю остаётся только одно – принимать эти трудно верифицируемые утверждения как данность и отказаться от любой попытки заочного спора, дискуссии с автором. В произведениях не допускается зазора между текстом и действительностью. Тексты произведений, посвящённых тюремной субкультуре, по своей структуре совпадают именно с логическими конструкциями повседневных практик. Мотивы, поступки персонажей не получают соответствующего объяснения, т.к. все действия максимально ритуализированы и не имеют смысла, но они социально востребованы. Слово в текстах работает в режиме функции, а не экспликации. Современные литературные произведения о тюрьме пересекаются с бытовым дискурсом: ожидание, что люди сами поймут, что имеется в виду; случайность выбора выражений; характерная неопределённость ссылок; ретроспективное/перспективное ощущение событий настоящего; ожидание продолжения разговора, чтобы понять, что, собственно, имелось в виду раньше. Сходство со структурой бытового, повседневного дискурса делает выводы и утверждения литературных произведений неоспоримыми и безальтернативными. Трагичность ситуации заключается в том, что на уровень логики здравого смысла были выведены криминальные установки, которые теперь воспринимаются как данность, как и то, что «всякий-нормальный-человек-обязательно-знает» [3, с. 46-86].

Наиболее полно тенденция представлять тюремную субкультуру, как неотъемлемую часть повседневной жизни, воплотилась в кинотекстах, чьё строение и структура способствуют стиранию границы между текстом и реальностью. Индивид, всматриваясь в экран, видит не «внешние» мысли, которые посредством некоторой интеллигентной деятельности трансформирует во «внутренние» идеи, в «свой мир». Наоборот, зритель видит на экране мир своих образов, которые благодаря массовому характеру киноиндустрии принимают черты всеобщих и распространённых в культуре идей. Как кинотекстам удаётся такая головокружительная подмена? С точки зрения Делёза, с помощью кинотехник (монтажа, раскадровки и т.д.) кинотекст повторяет внутреннюю структуру мысли. В результате при чтении индивид совершает две независимых, но взаимосвязанных процедуры – читает и мыслит. При восприятии кинотекста зритель ограничивается одной процедурой, он смотрит/мыслит [4, с. 606].

Разобранные на цитаты сериалы и кинофильмы «Бригада» (2002 г.), «Брат» (1997 г.), «Бумер» (2003 г.) и «Бандитский Петербург» (2000 г.) не только представляют собой пример востребованных лингвистических конструкций, представленные в этих кинотекстах системы социальных ролей и культурных ценностей стали примерами подражания и воспроизводства в повседневной жизни. Из этих кинотекстов были взяты за образцы модели отношения к различным категориям:

- друзьям – «*Братья, по-любому... Спасибо вам, я... я вас никогда не забуду. Клянусь, что никогда никого из вас я не оставлю в беде, клянусь всем, что у меня осталось. Клянусь, что никогда не пожалею о том, в чём сейчас клянусь. И никогда не откажусь от своих слов... Клянусь!*» (Бригада);
  - врагам – «*Свои, Валер, разные бывают. В нашем дворе в блокаду одну бабку слопали. Так тоже все говорили: «Свои, мол, свои»*» (Бандитский Петербург).
- Были использованы интерпретации базовых ценностей:
- жизнь – «*Не мы такие, жизнь – такая!*» (Бумер);
  - материальные ценности – «*В деньгах вся сила, брат! Деньги правят миром, и тот сильнее, у кого их больше*» (Брат);
  - законность – «*Мы вас грабить никому не дадим. Сами будем*» («Бандитский Петербург»);
  - социальный порядок – «*Везде бардак, даже в кино. Слушай, то ли дело у фашистов!*» (Бригада).

Но есть ли в отечественной культуре альтернативный опыт интерпретации тюремной субкультуры и если он существует, то почему в пространстве производства социальных смыслов и культурных ценностей он уступил место бытовухе? Представлению о тюрьме? Опираясь на два типа источников – произведения профессиональных и непрофессиональных авторов, посвящённых тюремной субкультуре, – нами было выделено три типа дискурса. Первый мы определили как «**метафизический**». Он связан с интеллектуальной отечественной традицией в культуре и его основная цель – «познать природу вещей», определить способы достижения истины. К этому типу мы отнесли следующие произведения: Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут», А.В. Жигулин «Чёрные камни», Л.З. Копелев «Хранить вечно,

Л.Э. Разгон «Непридуманное»; А.И. Солженицын «В круге первом», В.Т. Шаламов «Колымские рассказы».

Второй дискурс – «рефлексивный» – связан с диссидентским движением в отечественной культуре и направлен на утверждение экзистенциального, правового, социального статуса личности. Здесь были проанализированы тексты: Ю.М. Даниэля «Я всё сбиваюсь на литературу...», Ф.Г. Светова «Тюрьма», З.А. Крахмальниковой «Слушай, тюрьма!», А.Т. Марченко «Мои показания».

Третий тип дискурса – «дидактический» – связан с массовой культурой, его целью является создание рекомендаций, своеобразного «навигатора» по тюремной субкультуре. К этой рубрике отнесены тексты: В.А. Ажиппо «Не зарекайся», И. Костров «И равнодушно смотрят небеса», Н.Н. Лопатин «Записки зека», Л.А. Габышев «Одлян или Воздух свободы», А. Павлов «Должно было быть не так», Абрамкин В.Ф., Чижов Ю.В. и др. «Как выжить в советской тюрьме. В помощь узнику».

Одно из первых определение дискурса было предложено М. Фуко, который под дискурсом понимал формы закономерности и специфику организации дискурсивных событий. Основным элементом дискурсивных событий, согласно М. Фуко, являются высказывания, которые не исчерпываются лишь языковыми построениями, а включают мир материальных объектов, правила действия, принципы мышления, производимые в определенной эпоху в определенном социальном пространстве [5, с. 28-30, с. 117]. Принципиальной для М. Фуко является властная функция дискурса, благодаря которой он объясняет каким образом смысл и значения, разделяемые изначально лишь одной профессиональной, социальной группой, приобретают со временем статус общепризнанного знания, научной дисциплины, истины. В этом подходе заключается еще один важный постулат для дискурс-аналитического исследования, а именно, понимание власти как функции и отношения, а не как субъекта. Т. Ван Дейк пытается преодолеть это теоретическое затруднение через оригинальную трактовку цели любого дискурс-анализа, которая заключается в раскрытии способов, стратегий, с помощью которых различные дискурсивные практики продвигают и утверждают определенные версии реальности [6, с. 43].

В нашей авторской интерпретации дискурс понимается как пространство смыслов, конструируемое ограниченным количеством высказываний, позволяющих определить совокупность условий существования дискурса, а точнее, эпистемологическую среду, в которой разворачивается процесс организации различных дискурсивных формаций и дискурсивных практик. Анализируемые литературные тексты рассматриваются в качестве частей конкретных дискурсивных практик, содержащих в себе мифологические структуры, способы идентификации, стратегии борьбы и гегемонии, а не как результаты индивидуального художественного творчества. Любая дискурсивная практика в качестве конечного своего продукта полагает производство системы представлений, знаний, институционально организованных, а, следовательно, воплощенных в определенных социальных практиках. Продуктивность дискурсивной практики определяется частотой воспроизводимости её концепций в социальных институтах и практиках повседневной жизни. Игнорирование указанных системами дискурса приводит к тому что, дискурс оказывается частью дискурсивного архива.

В метафизическом дискурсе существуют следующие внутренние противоречия, которые препятствовали его актуализации социальными практиками. Во-первых, заявленная цель метафизического дискурса – сформировать механизмы защиты против уничтожения личности – при взаимодействии дискурса с социальными практиками оказывается не достижимой и подменяется идеей физического выживания: «Мы поняли также удивительную вещь: в глазах государства и его представителей человек физически сильный лучше, именно лучше, нравственнее, ценнее человека слабого, того, что не может выбросить из траншеи двадцать кубометров грунта за смену. Первый моральнее второго» [7, с. 79].

Во-вторых, в метафизическом дискурсе отсутствуют рекомендации, модели поведения. Такова логика развития культуры, что в современном культурном пространстве востребованными оказываются не те тексты, которые требуют от читателя эмоциональных и интеллектуальных усилий, а, напротив, те тексты, которые сводят необходимость усилий от читателя к нулю, предлагая эффективные решения. Вместо конкретных рекомендаций и инструкций метафизический дискурс представляет перед читателем мир тюрьмы как сложный, многогранный, парадоксальный универсум, требующий глубокой рефлексии и включающий однозначных категоричных оценок: «Это было не каторге, но я, кажется, никогда больше не ощущал жизнь так,

во всей ее полноте, ибо находился на самом краю этой страшной, но вечно прекрасной жизни» [8, с. 62].

В-третьих, распространение знаний о тюремной субкультуре в обществе получило искаженный эффект – в общественном сознании не сформировалось устойчивая неприязнь и нетерпение к тюремной субкультуре, а, напротив, был сконструирован героический образ осужденного, противостоящего несправедливой официальной власти. Глубоко философское высказывание А.И. Солженицына – «Благословение тюрьме!! Она дала мне задуматься. Чтобы понять природу счастья» [9, с. 34] – получило буквальную интерпретацию, когда тюремный опыт начал восприниматься как опыт универсальный и наиболее адекватный социальным и культурным реалиям.

Причинами невостребованности рефлексивного дискурса социальными практиками являются: во-первых, обесценивание понятий «жизни» и «смерти» в системе высказываний рефлексивного дискурса. Стремление продемонстрировать произвол и агрессию власти посредством разрушения абсолютной ценности – жизни – привело к возникновению ценностного вакуума и утрате идеологической целостности дискурса: «Однажды трое эзков договорились покончить с собой обычным способом, то есть с помощью часового. Днем, часа в три, взяли на кирпичном заводе три доски, приставили их к забору. Часовой кричит с вышки: – Не лезь, стрелять буду!

– Сделай милость, избавь от счастливой жизни, – отвечает эзк и лезет дальше. Дoleз до верха, до козырька из колючей проволоки и запутался в ней. В это время автоматная очередь с вышки, он упал на козырек, повис на заборе. Тогда полез другой – он спокойно ждал своей очереди. Короткая очередь – и он упал вниз, под забор. За ним третий – тоже свалился рядом со вторым. Это самоубийство отличалось от других подобных тем, что было групповым. Точно таких одиночек много, и не только на спец» [10, с. 257].

Во-вторых, рефлексивный дискурс недооценивает эффективность властных стратегий, считая, что власть не способна контролировать индивида на уровне его желаний, на уровне его потребностей на микро-уровне. Тем самым вне критики дискурса оказываются властные технологии, направленные на контроль над индивидуальными потребностями и характеристиками личности: «Оказалось, что власть ее держится, по сути дела, ни на чем. На моем согласии признать ее властью» [11, с. 124].

В-третьих, ирония и глубокое сомнение в эффективности собственной системы высказываний лишили рефлексивный дискурс возможности актуализоваться и быть поддержанным какой-либо социальной практикой: «Я такой благостный, такой умиротворенный. А почему? А потому, что животное. Вымылся в бане, побрился, пообедал, плотнул кофейку, покурил. Ах, боже мой, что ещё человеку надо? И до работы ещё два с половиной часа. Житуха!» [12, с. 372].

Востребованным социальными практиками является дидактический дискурс. Это становится возможным по следующим причинам: во-первых, он полностью отказывается от исследовательской структуры текстов, он запугивает, нагнетает, использует большое количество распространенных в повседневной культуре метафор, что сближает его с масс-медийным дискурсом: «Эта книга рассчитана на тех, кто никогда не пробовал на вкус тюремную баланду, но отдает себе отчет в том, что может оказаться в тюрьме через месяц, через год... Разумеется, одни типы (или группы) людей в тюрьме оказываются с большей вероятностью, другие – с меньшей. Впрочем, между ними не существует выраженных границ» [13, с. 5].

Во-вторых, система высказываний дидактического дискурса максимально сближается с тюремной лексикой, чьи определения утверждаются как наиболее точные и адекватные современным реалиям: «Надо признать, что неформальная терминология гораздо точнее, чем официальная, она действительно отражает суть указанных заведений и процессов, происходящих в них» [13, с. 12].

В-третьих, ритуалы, традиции, социальные установки тюремной субкультуры представляются дискурсом как единственно возможные стратегии по поддержанию социального порядка и справедливости: «Очень многое в правильных понятиях на воле может показаться диким, жестоким, бессмысленным. Но я, прошедший эту школу, могу сказать: тот образ жизни, который подчинен правильным понятиям, легче и разумнее предписанного властями» [14, с. 184].

Если схематично представить изменения от метафизического и рефлексивного дискурсов к дидактическому, то вырисовывается движение от исповедальности дискурса о тюрьме к его коммерциализации, от экзистенциальных установок к практицизму и функционализму, от поиска подлинности бытия к со-

зданию текстовых симуляций, от дискурса научно-исследовательского к дискурсу общества массового потребления. На страницах текстов метафизического и рефлексивного дискурсов персонажи читают, спорят, думают; в произведениях дидактического дискурса — едят, делят посылки, играют в азартные игры. Тексты метафизического дискурса создавались для того, чтобы последующие поколения читателей «помнили» (Л.Э. Разгон) о произошедшем и «не допустили» возобновления ГУЛАГа, т.к. сама идея повторения масштабной лагерной системы неприемлема для рефлексивного дискурса. Дидактический же дискурс конструирует свои тексты для того, чтобы «знали, что нуж-

но делать в тюрьме» (В.А. Ажиппо), априори допуская и наличие дискриминационной тюремной системы, и возможность оказаться там «любого гражданина» (И. Костров). В этом разностороннем движении трёх дискурсов заключается и главная культурная и социальная проблема. Дискурсы метафизический и рефлексивный предполагали наличие сознательной части населения, граждан, которые способны сопротивляться дискриминационным механизмам. Дискурс дидактический полагает, что население — это инертная масса, способная лишь эффективно приспосабливаться к сложившимся обстоятельствам.

Библиографический список

1. Радченко, В. Хорошо сидим // Российская газета. Федеральный выпуск. — 2008. - № 4741. - 2 сентября.
2. Фуко, М. Надзирать и наказывать. — М., 1999.
3. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии / Н. Макарова, Е. Трифонова. — СПб., 2007.
4. Делёз, Ж. Кино. — М., 2004.
5. Фуко М. Археология знания. - Киев, 1996.
6. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. — М., 1989.
7. Шаламов, В.Т. Колымские рассказы: собрание соч. — М., 1998. - Т. 1.
8. Жигулин, А.В. Черные камни. — М., 1989.
9. Солженицын, А.И. В круге первом. — М., 2010.
10. Марченко, А.Т. Мои показания. — М., 2005.
11. Крахмальникова, З.А. Слушай, тюрьма! — М., 1995.
12. Даниэль, Ю.М. Письма из заключения. Стихи / сост. А.Ю. Даниэль. — М., 2000.
13. Ажиппо, В.А. Не зарекайся. — Харьков, 2005.
14. Абрамкин, В.Ф. Как выжить в советской тюрьме. В помощь узнику / В.Ф. Абрамкин, Ю.В. Чижов [и др.]. — Красноярск, 1992.

Bibliography

1. Radchenko, V. Khorosho sidim // Rossiyskaya gazeta. Federal'nyy vihpusk. — 2008. - № 4741. - 2 sentyabrya.
2. Fuko, M. Nadziratj i nakazihvatj. — M., 1999.
3. Garfinkelj, G. Issledovaniya po ehtnometodologii / N. Makarova, E. Trifonova. — SPb., 2007.
4. Delyoz, Zh. Kino. — M., 2004.
5. Fuko M. Arkheologiya znaniya. - Kiev, 1996.
6. Van Deyjk, T.A. Yazihk. Poznanie. Kommunikaciya. — M., 1989.
7. Shalamov, V.T. Kolihmskie rasskazih: sobranie soch. — M., 1998. - T. 1.
8. Zhigulin, A.V. Chernihe kamni. — M., 1989.
9. Solzhenicihn, A.I. V krughe pervom. — M., 2010.
10. Marchenko, A.T. Moi pokazaniya. — M., 2005.
11. Krakhmaljnikova, Z.A. Slushayj, tyurjmal — M., 1995.
12. Daniehlj, Yu.M. Pisjma iz zaklyucheniya. Stikhi / sost. A.Yu. Daniehlj. — M., 2000.
13. Azhippo, V.A. Ne zarekajysya. — Kharjkov, 2005.
14. Abramkin, V.F. Kak vihzhitj v sovetskoyj tyurjme. V pomothj uzniku / V.F. Abramkin, Yu.V. Chizhov [i dr.]. — Krasnoyarsk, 1992.

Статья поступила в редакцию 12.01.13

УДК 130.2:930.85 (=161.1)

Bezginova, I.V. TYPOLOGY OF RUSSIAN CULTURE RELATIVE TO THE CONCEPT OF CREATION. The article considers dynamic of Russian culture in correlation with a concept of piece of art. The author suggests new typology of Russian culture, which has three cultural models: culture-Creation (national Middle Ages and Modern Age), culture of Creation (era of classics), Creation of culture (Neo-Classicism and Post-Neo-Classicism).

Key words: a piece of art, culture-Creation, culture of Creation, Creation of culture, cultural project.

И.В. Безгинова, канд. культурологии, доц., проректор по научной работе и международному сотрудничеству Южно-Уральского гос. института искусств им. П.И. Чайковского, г. Челябинск, E-mail: 2372420@rambler.ru

ТИПОЛОГИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОТНОШЕНИИ К КОНЦЕПТУ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Статья посвящена рассмотрению динамики русской культуры во взаимосвязи с концептом художественного произведения. Автор предлагает новую типологию отечественной культуры, в которой выделяет три культурных модели: культуры-Произведения (национальное Средневековье и Новое время), культура Произведения (эпоха классики), Произведение культуры (неклассика и постнеклассика).

Ключевые слова: художественное произведение, культура-Произведение, культура Произведения, Произведение культуры, культурный проект.

В ряду концептов, имеющих универсальное значение для русской культуры, выделяется концепт произведения, характеризующий как отдельные явления и процессы в её рамках, так и её реально-символическое пространство-время. В динамике национальной истории идея художественного произведения воспринимается одновременно и в феноменологическом, и в процессуальном ключе — и как реальность, отождествляемая с куль-

турой, и как процесс её художественного (интеллектуально-творческого) воссоздания. На протяжении многих столетий категория произведения в России ставилась в прямую зависимость от проблемы взаимосвязей между индивидуальными сознаниями и национальной реальностью, выступала проекцией личных и социальных смыслов сквозь призму художественного текста и образа. Подобная интенция в различных проявлениях просмат-

ривается на всём историческом пути России. Это и позволяет обратиться к изучению сущности отечественной культуры в отношении к концепту, рассмотреть вехи национальной истории в значении сменяющих друг друга моделей Произведения. К ключевым можно отнести модели культуры-Произведения (Средневековье, Новое время), культуры Произведения (эпоха классики), Произведения культуры (неклассический и постнеклассический период).

Культура-Произведение. Осмысление культуры в значении Произведения связано с периодом официальной христианизации древней Руси, когда на смену событийной, стихийно-чувственной, парадигме языческого мировосприятия приходит богословско-символическая, в основе которой письменно-рефлексивное толкование культурных явлений. Особую ценность имела православная идея преображения мира в христианскую обитель, устроенную перед Богом, в Произведение (Книгу, Слово) Духа. Символическая сублимация древнерусской культуры, мыслившаяся богословами как процесс соборного и личного перерождения из твари в дух, лица в лик, языческого «мира» в «святую Русь», основывалась на модели теургии – «творчества Бога», выступающего «...не только актом преобразования бесформенной материи в устроенный космос, но и «таинством создания самого бытия из небытия» [1, с. 17]. Общехристианское переживание мира и человека в теургийном ключе, в плане эстетического и нравственного преосуществления, транслируется и на образ культуры, которая в XI в. воспринимается законченной моделью Произведения православия.

Культурный проект «богоносной» Руси, созидание которого еще предстояло в исторической действительности, требовал этического и социального оправдания. Этой цели подчинено раннее отечественное богословие, в том числе первый древнерусский богословско-политический трактат «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (1037–1050). Текст «Слова» представляет картинно-зрелищную апологию христианской культуры-Произведения. В проповеди Илариона смоделирован завершённый, обладающий всеми признаками духовно-эстетического преображения образ Руси. «Слово» включает описание важнейших аспектов христианизации: соборности как нового типа социального и религиозного единства, «положительно-нравственных» оснований жизни, личного идеала, эстетичности устроенности мира. Автор демонстрирует новоявленным adeptам христианства силу и жизненную подлинность православного здания культуры-Произведения. Оно приобретает иконические черты, свойства художественного знака. Весьма примечательно, что в «Слове» отсутствуют рассуждения о действенных путях исторического строительства православной государственности. Автор словно намеренно стремится к проективному выражению национального будущего.

Опыт культуры-Произведения сохраняет ценность на протяжении всего отечественного Средневековья и в эпоху Нового времени. В рамках христианского проекта национальная культура-Произведение сохраняет черты провиденциальной модели. В ней отражаются идеальные интенции русского православия, осуществляется историософское и богословское оправдание «святой Руси» времен «строения» после татаро-монгольского ига (русское «Возрождение» второй половины XIV – начала XV вв.). В XVI в. ярким свидетельством ценности этого проекта для отечественной традиции является религиозно-политическая доктрина «Москва – третий Рим». В посланиях старца Филофея (1523–1524) Русь уподоблена идеальному зданию, «сосуду духовному», хранящему церковное Предание и веру, с которым связаны апокалиптические ожидания грядущего Царства Духа [2]. Таким образом, концепция новой христианской государственности, преемственной Священному Риму и Византии, трансформируется в новый социокультурный и символический проект.

В период активной европеизации России в XVIII столетии формируется иная, светская по характеру, тенденция моделирования культуры-Произведения. Она обусловлена интересом к «европейскому» проекту русской государственности, стремлением создать образ просвещённой отечественной монархии, неотделимый от «политесной» дипломатии России. Наиболее показательна в этом плане деятельность Екатерины II. Литературно-публицистические и социально-философские изыскания императрицы пронизаны пафосом переустройства исторической реальности. И главный государственный проект императрицы – «Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения» [3, с. 72–158], и «Записки касательно российской истории», и художественные сочинения на исторические сюжеты воспринимаются в едином ключе, поскольку явно обнаруживают свойства литературной утопии. «Наказ» и «Записки» отличает идеализм, для их содержания характерен высокий уровень концептуаль-

ного, этико-философского обобщения, оценённого Вольтером, который называл «Наказ» новым «всемирным евангелием».

В целом *модель культуры-Произведения сохраняет идеолообразующее значение в отечественной истории.* Ее проявлениями становятся философско-эстетические, социальные, богословские и проч. проекты национальной культуры, ориентированные на высшие, предельные основания культурного бытия.

Культура Произведения. Исторические реалии национальной классики – XIX столетия – можно охарактеризовать как отражение *Культуры Произведения.* В пространстве эпохи рефлексии о смыслах общественного и личного бытия, «вечных вопросах» русского Духа практически целиком была перенесена в сферу художественного опыта. Эту особенность отечественной культурфилософии точно охарактеризовал А.Ф. Лосев: «Русской философии, в отличие от европейской, ...чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов. Она представляет собой чисто внутреннее, интуитивное ...познание сущего, его скрытых глубин, которые могут быть постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям, а только в символе, в образе посредством силы воображения и внутренней жизненной подвижности» [4, с. 73–74]. Специфически русское стремление к «реально-символическому» выражению духовного опыта достигает апогея в XIX столетии, когда суждения о судьбах нации, личности, истории, творчестве культуры облекаются в законченные формы литературного, изобразительного, музыкального произведения. Исключителен в этом плане опыт отечественных литераторов. Этот факт общепризнан. Приведем типичное суждение А.С. Волжского: «Русская художественная литература – вот истинная русская философия, самобытная, блестящая философия в красках слова, ...облеченная в плоть и кровь живых образов художественного творчества» [цит. по: 4, с. 72–73]. Философский и эстетический планы в произведениях Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева и многих других выдающихся мастеров слова равны друг другу. В художественном тексте, в полифонической структуре отношений «диалогизирующих сознаний» героев (М.М. Бахтин) перед воспринимающим сознанием читателя раскрывается диалог, содержание которого отражает целостные культурные процессы, становление разнородных идей в рамках единого духовно-символического пространства.

Произведение культуры. Новая модель отношений концепта произведения и культурной практики формируется на рубеже XIX–XX вв., в ситуации, когда воплощение культуры ассоциировалось непосредственно с формами и механизмами художественного творчества. Обоснованию этой идеи посвящены суждения многих отечественных философов, писателей, художников. Так, например, В.С. Соловьев утверждал, что «...искусство в своей окончательной задаче ...должно ... пресуществить нашу действительную жизнь» [5, с. 404]. В контексте соловьевского тезиса социально-практические, действенные методы достижения и осуществления будущего культуры отождествлялись с художественно-творческими и эстетическими способами ее вос-произведения.

На основе данного принципа формируется *неклассическая модель модернизма.* В начале XX в. ощущение дискретности пространства и времени в точке вселенского взрыва – революции духа и материи – становится предпосылкой создания живописных, поэтических, музыкальных манифестов и теорий, обнаруживающих повышенный интерес художников к процессу теургического действия. В нем очистительное разрушение «отжившего» мира и культуры мыслится лишь как преамбула к новому витку вселенской истории – рождению мира заново «с нуля форм» (К. Малевич). Этим объясняется обращение к богословской концепции божественного миротворения. В логике авангардистского Произведения возрождается ценность творчества как процесса создания форм из нерасчлененного хаоса материи, бытия из бесформенного небытия. Вторжение в совершенный универсум, устроенный и эстетически завершённый Богом, во многих случаях намеренно представлено авангардистами как дерзкое кощунство разрушения и десакрализации мира, его развенчания до произведения Человекобога, обретающего право теургии силой своего воления.

Идея разрушить мир с тем, чтобы заново переструктурировать его, из первородного хаоса произвести новые целостные образы-формы, становится определяющей в логике Произведения. Показательно суждение К. Малевича, утверждавшего: «...форма должна выйти из ничего. Так же, как и Разум, творящий вещи для обихода жизни, выводит из ничего и совершенствует» [6, с. 49]. Примечательно, что интуиция выхода к транс-

ценденным, сверхкультурным пределом была парадоксально обращена на культурные реалии и социальные процессы настоящего. Восприятие культуры как пространства реконструкции атомизированных, приведённых в состояние хаотической «взвеси» культурных элементов, отчётливо ощутимо в целом ряде авторских теорий эпохи.

Так, символическую «сборку», «составление» – монтаж новой картины мира блистательно осуществляет киногоений С.М. Эйзенштейн. Проекция новых, футуристических в своей основе, смыслов истории и культуры, мыслится режиссером в отношении к идеям «киноэпоса», «патетического кинематографа», теории монтажа. В контексте сформулированных Эйзенштейном задач кинопроизведения, несомненно, мыслилось в качестве «пластической» реальности «...человека, который с помощью индустрии – в условиях нового социального строя – *своей творческой волей* заставлял выходить «из себя» веками установившиеся нормы и формы ... в новые виды, формы и качества...» [7, с. 58 – курсив С.Э.]. Мотивы эйзенштейновского проекта истории и культуры перекликаются с обще авангардными: революционный передел мира, технократические новации, строение новой коллективности, индустриализация, эксперимент по формированию «передового» мышления человека эпохи. Средствами кинематографа режиссер обратился к опыту создания *историко-культурного факта будущего*. Основным способом теургийного произведения новой реальности в пространстве эйзенштейновского кинематографа стал монтажный принцип.

В статье «Сепаратор и чаша Грааля», посвященной столкновению патриархального и революционного в советской действительности 1920-х гг., Эйзенштейн дает исчерпывающую характеристику процесса Произведения культуры в реальности кино. С этой целью он обращается к описанию партитуры фильма «Генеральная линия» («Старое и новое»). Механика глобального переворота от прошлого к будущему, побуждающая зрителя пережить процесс трансформации действительности из повседневной в «патетическую», фантастический переход из быта в миф, в «сказку жизни», отражена в эпизоде с работающим сепаратором. Динамика возрастания новой жизни выражена через последовательное развитие «индустриального» тропа, характеризуемого Эйзенштейном следующим образом: «...выбор в качестве центрального эпизода именно этой сцены превращения судеб капли молока – ...не совсем случаен. ...в этой капле молока, перескакивающей в новое качество капли сливков, как в капле ...воды, как бы предметно отражалась судьба

...разрозненно и разобщенно бытующих и хозяйствующих собственников-крестьян, как раз под впечатлением от сепаратора ...внезапно совершающих гигантский качественный скачок ...из «мужиков» становясь колхозниками» [7, с. 58 – курсив автора]. «Старое и новое» – характернейший пример использования художественного языка с целью Произведения культурной реальности. В нем *произведение будущего* осуществляется одновременно и автором, и зрителем (потенциальным творцом новой социальной и духовной эпохи). Будущее врывается в сознание воспринимающего как объективный факт, данный в ощущениях, пульсации монтажа, документальной очевидности кинокадра, убеждая в своей подлинности и позволяя преодолеть дискретный разрыв между исторической действительностью и идеальным измерением культуры. В пространстве кинопроизведения осуществляется «гигантский качественный скачок» сознания человека эпохи из рутины патриархального в мир неведомой будущности.

К концу XX столетия отечественная идея Произведения культуры претерпевает значительные изменения, обусловленные ситуацией постнеклассических процедур взаимодействия личности и универсалий культуры, а также возрастанием роли интерпретативного и герменевтического подходов к культурным реалиям. Доминирующей становится постмодернистская коммуникативная схема: в ней культура приобретает очертания авторского произведения, в пространстве-времени которого индивид «реконструирует» собственные смыслы сквозь призму символических отношений с множеством других авторских «Я», мировоззрений, текстов (произведений), значений и т.д., исторические включенных в единый гипертекст. Осмысление себя через «другое», «чужое», «присвоение» себе или разоблачение, ироническое отрицание устойчивых, ставших традиционными, культурных смыслов становится способом личного открытия, самознания, про-изведения субъективных значений, что позволяет установить знак равенства между Произведением культуры и авторефлексией. Можно утверждать, что интертекстуальная динамика постмодернистского текста: его построение по устанавливаемым автором законам – переносится на механизм восприятия и построения культурной модели. Процедуры формирования авторских смыслов, т.е. *контекста* культуры, начиная превалировать над ее константными значениями. Таким образом, Произведение культуры на рубеже XX–XXI вв. имеет принципиально диффузный, нестабильный характер; его границы размыты, а реальность стохастична.

Библиографический список

1. Бычков, В.В. Малая история византийской эстетики. – Киев, 1991.
2. Послания старца Филофея: Послание о злых днях и чашах. Послание к великому князю Василию, в немже о исправлении крестного знамения и содомском блуде. [Э/р]. – Р/д: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105>
3. Екатерина II. О величии России. – М., 2006.
4. Лосев, А.Ф. Страсть к диалектике. – М., 1990.
5. Соловьев, В.С. Сочинения: в 2 т. – М., 1988. – Т.1.
6. Малевич, К. Собр. соч.: в 5 т. – М., 1995. – Т. 1.
7. Эйзенштейн, С.М. Нравственная природа: в 2 т. / сост., авт. предисл. и комм. Н.И. Клейман. – М., 2006. – Т. 2. О строении вещей.

Bibliography

1. Bihchikov, V.V. Malaya istoriya vizantijskoj ehstetiki. – Kiev, 1991.
2. Poslaniya starca Filofeya: Poslanie o zlykh dnekh i chas'kh. Poslanie k velikomu knyazyu Vasiliyu, v nemjzhze o ispravlenii krestnago znameniya i sodomskom blud? [Eh/r]. – R/d: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105>
3. Ekaterina II. O velichii Rossii. – M., 2006.
4. Losev, A.F. Strastj k dialektike. – M., 1990.
5. Solovjev, V.S. Sochineniya: v 2 t. – M., 1988. – T.1.
6. Malevich, K. Sobr. soch.: v 5 t. – M., 1995. – T. 1.
7. Ehyzenshteyn, S.M. Neravnodushnaya priroda: v 2 t. / sost., avt. predisl. i komm. N.I. Kleyjman. – M., 2006. – T. 2. O stroenii vethiej.

Статья поступила в редакцию 20.01.13